[10] См.: Киштымов А. Л. Экономический потенциал белорусской усадьбы в конце XVIII – начале XX века // Исторические усадьбы Беларуси: состояние и перспективы: материалы Междунар. конф. (Залесье (Сморгонский район), 4–5 сент. 2003 г.). Минск, 2003. С. 90–123; Кахновіч В. А. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва на Палессі ў канцы XIX – пачатку XX ст.: метадалагічны аспект // Методы исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22–23 окт. 2008 г.). Минск, 2009. С. 76–80.

[11] См.: Кахновіч В. А. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва на Палессі ў канцы XIX – пачатку XX ст.: метадалагічны аспект. Мінск, 2009. С. 76–80; Он же. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1917 гг.: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2010. Л. 55–59.

[12] См.: Кахновіч В. А. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва… С. 76–80.

[13] См.: Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах: в 5 вып. / сост. под рук. В. И. Масальского. 2-е изд. СПб., 1901–1905. Вып. 3. 1901; Там же. Вып. 4. 1904. 332 с.

[14] См.: Краткие справочные сведения… 1901. Вып. 3. С. 146–147.

[15] См.: Кахновіч В. А. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва…; Он же. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1917 гг.: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2010. Л. 183–184, табл. В2.12, В2.13.

[16] См.: Киштымов А. Л. Экономический потенциал белорусской усадьбы…

[17] См.: Краткие справочные сведения… 1901. Вып. 3. С. 151.

[18] См.: Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. Мінск, 2003. С. 197.

[19] См.: Краткие справочные сведения… 1901. Вып. 3; 1904. Вып. 4.

[20] См.: Кахновіч В. А. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва…

[21] См.: Жытко А. П. Указ. соч. С. 185, табл. 3.41, графа 7; с. 187, табл. 3.45.

[22] См.: Там же. С. 173–174, табл. 3.36, 3.38.

[23] См.: Там же. С. 175, табл. 3.37; Кахновіч В. А. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1917 гг.: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2010. С. 185–187, табл. В2.14.

[24] См.: Кахновіч В. А. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну… Л. 183, заўвага 3.

[25] См.: Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. Мінск, 2003. С. 197, табл. 3.45.

[26] См.: Никулин В. Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2006. С. 31–32.

[27] См.: Киштымов А. Л. Экономический потенциал белорусской усадьбы… С. 90–123.

[28] См.: Кахновіч В. А. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну… Л. 116.

Поступила в редакцию 12.06.13.

Виктор Адамович Кохнович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.

УДК 323.311(470+571)(091)«17»

Е. В. ШИЛО

СЛУЖБА ПО ВЫБОРАМ: ПОРТРЕТ УЕЗДНОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Исследуется проблема причин неэффективной деятельности дворянских органов самоуправления в Российской империи. При использовании исторических и литературных источников автором как бы воссозданы «служебные портреты» уездного дворянства последней четверти XVIII в., избиравшегося на различные должности. Профессиональная некомпетентность должностных лиц, отсутствие у большинства из них желания заниматься «черновой» управленческой деятельностью были определены автором как факторы, не позволившие дворянским корпоративным органам стать эффективно действующей частью всей структуры властных институтов Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя; последняя четверть XVIII в.; дворянство; органы самоуправления.

In the article is investigating the problem of ineffective work of the nobility organs of self-government in Russian empire. On the base of literary and historical sources the author reconstructed «service portraits» of uyezd nobility of the last quarter of XVIII century, which were electing for various posts. In the article also is determined professional incompetent of the officials as a factor, which didn't allow to the nobility organs of self-government to be an effective part of the whole structure of imperious institutions in Russian empire.

Key words: Russian empire; the last quarter of XVIII century; nobility; organs of self-government.

Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. положил начало обособлению дворянства Российской империи в отдельные сословные объединения[1]. В исторических источниках второй половины XVIII – XIX в. они назывались дворянскими обществами, а в историко-юридической литературе XIX в. – дворянскими корпорациями. Законодательство Екатерины II очертило основной спектр преимуществ подобных корпоративных дворянских объединений, главным из которых было право на внутрисословное самоуправление[2]. Действующие на губернском и уездном уровнях органы дворянского самоуправления – дворянские собрания, предводители дворянства, депутатские собрания, дворянские опеки, уездные и верхние земские суды – имели реальную возможность влиять не только на местную администрацию, но и на правительство. Как отметил один современник, «при других политических обстоятельствах губернские дворянские собрания могли

бы оказаться рассадником революции»[3]. Однако на практике работа собраний свелась в основном к управлению делами дворянского сословия.

Задаваясь вопросом, почему же деятельность дворянских собраний так и не вышла за рамки решения внутрисословных проблем, одни историки объясняли это «политическими обстоятельствами» Российской империи, другие же прежде всего указывали на причины, исходившие «изнутри» дворянского сословия[4]. В контексте данного вопроса особого внимания заслуживают труды А. В. Романовича-Славатинского, С. А. Корфа, Б. Н. Миронова, в которых авторы обратили внимание на такие важные факторы, как престиж службы по выборам для различных страт дворянского сословия, влияние самой стратификации дворянства на результаты выборов, а также причины абсентеизма среди дворянства[5]. Так, А. В. Романович-Славатинский, изучая проблему падения значения выборов для дворянского сословия, указывал, что неизбежным следствием данного явления стало ухудшение «качества лиц, избираемых дворянством»[6]. Отмечая скупость исторических источников XVIII в. по данному вопросу, он приводит примеры преимущественно XIX в.[7] В нашем же случае попытаемся охарактеризовать «качество» лиц, избираемых дворянством, на основе анализа литературных произведений. Что касается хронологических рамок проблемного поля, то они составят последнюю четверть XVIII в., поскольку именно в это время в дворянской среде стали складываться факторы, определившие историческую безысходность деятельности дворянских корпоративных органов в Российской империи.

Литературные произведения второй половины XVIII в., в частности сатирического характера, являются ценными источниками по истории быта и нравов российского общества. В них преломляются различные исторические события и явления, выражается общественное мнение на злободневные вопросы. Одним из таких сатирических произведений стал «Разговор уездных дворян о выборе в судьи» неизвестного автора, изданный в 1790 г. с разрешения Управы благочиния[8]. Данная работа была напечатана спустя 23 года после введения практики дворянских выборов, а значит, наиболее достоверно отразила реалии XVIII в. Целью анонимного автора было высмеять пороки уже сложившейся к тому времени системы дворянских выборов. Опираясь на вышеуказанное произведение, а также произведения XIX в., попытаемся составить литературно-исторический портрет уездной дворянской элиты для того, чтобы понять причину неэффективной деятельности дворянских корпоративных органов и причину, по которой они очень мало использовали свои полномочия, хотя и просуществовали вплоть до 1917 г.

На протяжении 1760–1780-х гг. в Российской империи сложился круг должностей, которые замещались уездными дворянскими собраниями. Условно их можно разделить на несколько категорий. Первая – по внутреннему управлению дворянскими обществами – была представлена должностью уездного предводителя дворянства, который, согласно законодательству, становился еще и председателем дворянской опеки. Ко второй категории, касавшейся общего судебного управления, относились должности председателя уездного суда и его заседателей. Что касается должностей по полицейскому управлению, то к ним причислялись капитан-исправник и земский заседатель[9].

Должность уездного предводителя дворянства, представлявшая собой пример сословного лидера, была одной из самых значимых и престижных в уезде. Она появилась в 1766 г. в связи с выборами в Уложенную комиссию, утверждалась губернатором и не подчинялась губернскому предводителю дворянства[10]. В последней четверти XVIII в. в обязанности уездного предводителя дворянства входило: ведение списков дворян уезда, уполномоченное дворянским обществом представительство об общественных нуждах и пользах, сообщение решений коронной администрации дворянскому обществу по предмету нужд дворян, хранение и употребление дворянских складок с согласия дворянского общества, открытие и председательство в дворянских собраниях и надзор за соблюдением порядка при дворянских выборах, участие в составлении дворянской родословной книги, председательство в дворянских опеках, участие в сфере народного образования и общественного призрения, заседание в уездном по воинской повинности присутствии[11]. На протяжении XIX в. функции уездных предводителей дворянства еще более расширились, в результате эта должность стала соприкасаться почти со всеми сферами гражданского управления в уезде.

В «Разговоре уездных дворян о выборе в судьи» идеальный уездный предводитель предстает в образе «ходатая за истину», «предстателя вдовиц и сирот», «защитника напрасно гонимых». Ведь его главной обязанностью была забота о достоинстве дворянского сословия.

Однако реальный предводитель дворянства, избиравшийся на данную должность дворянским обществом уезда, имел совершенно иной портрет. Он был изображен в образе господина Трусихина – человека, который, «не запнувшись, не может к последнему дворянину войти в горницу и, не задрожа от страха, вымолвить слово»[12]. Подобные портреты уездных предводителей показаны и в произведениях XIX в. – в пьесе И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя», а также в поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша»[13].

Не менее важной и престижной по дворянскому сословному самоуправлению была должность председателя уездного суда. Уездные суды, созданные в 1775 г. согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи», служили первой судебной инстанцией для дворянского общества[14]. В их компетенции находились мелкие уголовные и гражданские дела, в основном – споры о землевладениях[15]. Помимо того, уездные суды хранили межевые книги и планы, проводили ревизии уездного казначейства, вместе с полицией наблюдали за исполнением решений. Вот как характеризуется должность уездного председателя в «Разговоре уездных дворян о выборе в судьи»: «Судья предназначается быть хранителем освященнейшего правосудия сего основания общаго благополучия; ему вручаются дела, касающиеся до безопасности нашия собственности, и потому самому должность его делается важною и почтенною»[16]. В произведении идеальным уездным судьей выступает господин Деньгов – дворянин, знающий законы, имеющий высокий уровень доходов, равнодушный к жалованию и независящий от статуса истцов или ответчиков, со связями и положением в обществе[17]. Однако в реальности богатые дворяне уезда не были заинтересованы в данной должности по причине собственной спеси и стремления продемонстрировать свою независимость от местного дворянского общества. Богатейшие помещики, как правило, были близки ко двору, занимали влиятельное положение в столице, были тесно связаны друг с другом и считали излишним свое непосредственное участие в жизни местного дворянского общества. Поэтому на пост уездного судьи, как правило, избирался так называемый господин Невежин – дворянин низкого достатка, который «рад будет жалованью», непринципиальный, «не будет делать ябедничеств и обид», простодушный и доверчивый, которого «секретарь водить станет за нос, брать взятки и делать плутовствы», некомпетентный, который «кроме Бабы Королевича никогда ничего не читывал, законов совсем не знает»[18]. Так как правосудие изображалось слепым и беспристрастным, то при уездном судье состояли два заседателя – господин Оглохов и господин Ослепов, ничего не видящие и ничего не слышащие, даже самого дела, дворяне[19]. В литературных произведениях XIX в. портрет уездного судьи сохранится и предстанет в образе Ляпкина-Тяпкина из «Ревизора» Н. В. Гоголя[20]. Там же показан и заседатель, от которого «такой запах, как будто он сейчас вышел из винокуренного завода»[21].

«Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. ввели еще две должности уездного уровня, замещаемые дворянскими собраниями. Речь идет о постах капитана-исправника и земских заседателей. Капитан-исправник являлся начальником сельской полиции и главой низшего земского суда – уездного административно-полицейского органа. Его власть распространялась на весь уезд, но без городов. Как председатель нижнего земского суда, капитан-исправник наблюдал за охранением общественной безопасности в уезде, отвечал за сбор налогов с крестьян, проводил предварительное следствие и осуществлял дворянскую опеку[22]. Он «должен быть человеком прозорливым, отважным и расторопным: летать повсюды для надзирания за благоустройством и для истребления вкрадывающихся непорядков; отваживать жизнь свою для изловления злодеев общества и исправлять всякое зло своим присутствием». Однако выбор дворянского общества в «Разговоре уездных дворян о выборе в судьи» выпадает на человека нерешительного, медлительного, трусливого, которому «потребно несколько недель на то, дабы предпринимать десятиверстное путешествие»[23]. Следует отметить, что в литературных произведениях XIX в. капитаны-исправники предстают в менее ярких и типичных образах, однако четко указывается на бесправие и своеволие, характерное для деятельности нижнего земского суда и земских заседателей (об этом особенно ярко писал Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо»)[24].

Земские заседатели являлись помощниками капитана-исправника. Они приводили в исполнение распоряжения вышестоящих административных органов, следили за порядком, налагали взыскания за нарушения, наблюдали за исправностью дорог и мостов, следили за выполнением повинностей, а также содержанием тюрем, больниц и учреждений общественного призрения[25]. За самовольство в быту их называли «куроцапами»[26]. Данная должность не являлась престижной для дворянства, поскольку была малооплачиваемой и нахо-

дилась в подчинении других инстанций: «…заседатель ничто иное, как орудие исполнения повелений г. исправника и что делаемые одним несправедливость и замедления упадают на весь суд»[27]. На дворянских выборах земскими заседателями избирались дворяне, не пользующиеся в дворянском обществе большим уважением. В «Разговоре уездных дворян о выборе в судьи» ими станут господин Пьянюшкин, «первый начинщик» на ярмарках, и господин Здравомыслов, человек рассудительный, но презираемый местным дворянским обществом за самостоятельность взглядов[28].

Именно такой предстала дворянская «элита» последней четверти XVIII в. одного из провинциальных обществ Российской империи в «Разговоре уездных дворян о выборе в судьи» и именно такой она предстанет в произведениях XIX в. Насколько правдивым является изображение представителей дворянского сословия, служащего по выборам в уезде, в литературных произведениях конца XVIII – XIX в., можно судить по источникам XIX в. нелитературного характера. Так, 1 января 1832 г. Николай I предписал губернским предводителям дворянства обращать внимание, чтобы на службу по выборам избирались достойные и способные кандидаты: «Я с прискорбием видел, что выборы дворянские не всегда соответствовали ожиданиям правительства. Лучшие дворяне или уклонялись от служения, или не участвовали в выборах, или с равнодушием соглашались на избрание людей, не имеющих потребных качеств к исполнению возложенной на них обязанности. От сего чиновники по судебной части оказывались нередко не довольно сведущими в законах; по части же полицейской открывались злоупотребления, накопление податных недоимок, а в делах следственных и уголовных запутанность и упущение, постановляющие высшие судилища в затруднение постановить безошибочное решение по словам закона»[29]. Однако ожидания императора не сбудутся, и спустя десятилетие один из современников запишет, что «чиновники, служащие по выборам, нередко менее способны и надежны, чем определяемые от правительства»[30].

Таким образом, к концу XVIII в. система и механизм функционирования дворянских корпоративных органов в Российской империи уже сложились. Поставленные защищать интересы дворянских обществ, они стали полем деятельности некомпетентных лиц, избираемых самим же дворянским сословием. А это был еще один фактор, предопределивший неэффективность деятельности дворянских органов самоуправления, просуществовавших до Октябрьской революции по большей мере благодаря усилиям высшей власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1: в 40 т. СПб., 1830. Т. 15. С. 912.

[2] Там же. Т. 18. С. 267, 673–684, 315–316; Т. 19. С. 305–308; Т. 20. С. 229–304, 760–763; Т. 21. С. 295–297, 713–714; Т. 22. С. 90–93; 344–358.

[3] Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 482–483.

[4] См.: Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2010.

[5] См.: Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 490–500; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762–1855. СПб., 1906. С. 206–214; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.): в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 516–517.

[6] Романович-Славатинский А. В. Указ. соч. С. 497–498.

[7] Там же. С. 498–500.

[8] См.: Разговор уездных дворян о выборе в судьи. [Б. м.], 1790.

[9] См.: Ручная книга о дворянах, выборах и службе по оным. СПб., 1838. С. 24–25; О составе, правах и преимуществах российского дворянства. СПб., 1897. С. 84–85.

[10] См.: ПСЗ РИ. Собр. 1: в 40 т. СПб., 1830. Т. 17. С. 1092–1110.

[11] См.: Справочная книга для уездных предводителей дворянства. СПб., 1887. С. 1–3.

[12] Разговор уездных дворян о выборе в судьи… С. 8.

[13] См.: Тургенев И. С. Завтрак у предводителя. Одесса; Харьков, 1921; Лермонтов М. Ю. Тамбовская казначейша: повесть в стихах. Л., 1978.

[14] См.: ПСЗ РИ. Собр. 1: в 40 т. СПб., 1830. Т. 20. С. 229–304.

[15] См.: Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2007. С. 71–73.

[16] Разговор уездных дворян о выборе в судьи... С. 3–4.

[17] Там же. С. 3.

[18] Там же. С. 1–2.

[19] Там. же. С. 4–5.

[20] См.: Гоголь Н. В. Ревизор: комедия в 5 действиях. М., 1988.

[21] Федосюк Ю. А. Указ. соч. С. 71–73.

[22] См.: Лукин В. Памятная книга полицейских законов, для земской полиции, помещиков и вообще сельских обывателей. СПб., 1857. С. 66–250; Гуляев П. Н. Права и обязанности градской и земской полиции и всех вообще жителей Российского государства по их состояниям. М., 1824. С. 41.
[23] Разговор уездных дворян о выборе в судьи… С. 6.
[24] См.: Гоголь Н. В. Мертвые души: поэма. Минск, 1998; Пушкин А. С. Дубровский. М., 1980; Тургенев И. С. Затишье. М., 1950; Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо: поэма. Минск, 2002.
[25] См.: Лукин В. Указ. соч. С. 261–292.
[26] См.: Федосюк Ю. А. Указ. соч. С. 71–73.
[27] Разговор уездных дворян о выборе в судьи… С. 7.
[28] Там же. С .6.
[29] Романович-Славатинский А. В. Указ. соч. С. 499.
[30] Там же.

Поступила в редакцию 05.06.13.

Елена Владимировна Шило – аспирантка кафедры истории России. Научный руководитель – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России О. А. Яновский.

УДК 327.35(4ГЕРМ)

М. М. КУХТИН

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Европейская политика ФРГ рассматривается в региональном и глобальном контексте. Анализируется деятельность Веймарской тройки как одного из важнейших элементов европейской политической архитектуры. Дается оценка усилиям немецкой элиты по преодолению негативных последствий саммита ЕС в Ницце. Подчеркивается важность немецко-польского примирения для будущего Европы. Делается вывод о противоречивом характере процесса реформирования Европейского союза. Перечисляются трудности, с которыми организация может столкнуться в среднесрочной перспективе, и намечаются пути их преодоления.

Ключевые слова: внешняя политика; европейская интеграция; Веймарская тройка; мировой финансовый кризис.

The European policy of the Federal Republic of Germany is examined in the regional and global context. The activities of the Weimar triangle are analyzed, this organization being one of the most important elements of the European political framework. The efforts of the German elite aimed at overcoming the negative consequences of the EU summit in Nice are evaluated. The importance of the German-Polish reconciliation for Europe's future is stressed. A conclusion is made about the contradictory nature of the European Union reform process. Obstacles the organization may be confronted with in the medium term are enumerated, and ways of overcoming them are outlined.

Key words: foreign policy; European policy; the Weimar triangle; the world financial crisis.

В настоящей работе рассматривается ряд аспектов европейской политики ФРГ. Среди использованных источников важное место занимают официальные документы, опубликованные на сайтах правительства и МИД ФРГ, а также аналитические обзоры З. Бжезинского и И. Шильда.

Актуальность темы обусловлена быстрым развитием украино-немецких отношений на современном этапе и постепенным превращением ЕС в самостоятельный центр силы в формирующемся миропорядке. Разрабатывая стратегию европейской интеграции Украины, официальный Киев должен учитывать позицию немецких христианских демократов, от политики которых зависит не только расширение ЕС на Восток, но и историческая судьба европейского проекта в целом.

В статье «Балансируя Восток, модернизируя Запад» З. Бжезинский рассматривает два сценария развития Запада – конструктивный и деструктивный. Первый предполагает более высокий уровень интеграции стран – членов ЕС при сохранении «американского зонтика безопасности», второй основывается на допущении, что Европе не удастся ответить на ключевые вызовы современности и выполнить свою уникальную миссию[1]. Рассмотрим все версии будущего, в которых, по мнению автора концепции, европейская интеграция столкнется с серьезными препятствиями.

В первом, наиболее разрушительном сценарии Италия или Германия, руководствуясь, прежде всего, экономическими соображениями, делают выбор в пользу более тесных отношений с Россией. Это вызывает беспокойство Великобритании и Франции и заставляет их искать гарантии безопасности в союзе друг с другом и с США. Украина подвергается опасности быть поглощенной Россией, а Польша и страны Балтии начинают осаждать США просьбами о поддержке.

Также возможен срыв польско-российского примирения, который вызовет новый раскол Европы. Аналогичные последствия могло повлечь за собой ухудшение франко-германских или германо-польских отношений, чего в начале 1990-х гг. удалось избежать.